

Татьяна Луганцева

Фея из
комиссионки

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Луганцева Т.И.

Л83 Фея из комиссионки: [роман] / Татьяна Игоревна Луганцева. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-17-154648-9 (Иронический детектив)
Оформление — Екатерина Василевская

ISBN 978-5-17-155433-0 (Самый веселый детектив)
Оформление — Ольга Жукова

Благими намерениями выслана дорога в ад. Но Яна Цветкова решила опровергнуть это древнее изречение. А у этой дамы всегда так... Вроде бы с самыми благими намерениями поехала в Сочи, чтобы познакомиться с матерью своего давнего друга как его невеста. Фиктивная, конечно. Но чего не сделаешь, чтобы успокоить капризную старушку? И тут началась такая кутерьма!.. Встреча с богатым итальянцем, не то наркоторговцем, не то честным виноделом. Ну, да, он, разумеется, не устоял перед роковой красотой Яны. И понеслось!.. Мертвецы давние, мертвецы свежие, умопомрачительные приключения... Без них жизнь Яны, как еда без соли — пресная! Побег, преследования, следственный изолятор, разборка с насильником, опасная ревность любимого... Да, Яна почти побывала в аду, но смогла выбраться из него с триумфом!

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154648-9 (Иронический детектив)
ISBN 978-5-17-155433-0 (Самый веселый детектив)

© Т.И. Луганцева, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая

Вечерело. За окнами в домах зажигались первые тёплые огни. На стуле в кабинете следователя Виталия Николаевича Лебедева сидела, недовольно поджав губы, его давняя приятельница Яна Карловна Цветкова и отрицательно качала головой.

— Нет, Виталий, даже не проси...

Следователь отложил папку с документами, которые пытался просматривать, и недовольно сказал:

— Ну, а ты, моя дорогая, сколько раз обращалась ко мне за помощью, и я ведь ни разу тебе не отказал.

Яна недобро прищурилась.

— Ты не отказывал, но всегда меня отчитывал. И такая я была у тебя, и сякая...

Цветкова отличалась удивительной способностью влипать в самые невообразимые истории, из которых выкручиваться ей всегда помогал ее друг полковник Лебедев.

Матвеева Луиза

— Но ведь я тебе всегда помогал, а ты...

— Помогал... — прервала его Яна. — Куда же я без тебя? Хочешь сказать, что пришла моя очередь помогать тебе? — спросила она.

— Замуж ты за меня отказалась выходить, — напомнил Виталий.

— И правильно сделала, хоть дружбу нашу сохранила. Я не знаю, что тебе ответить. Глупая ситуация.

— Ты не знаешь мою маму. Для нее вопрос брака — это очень серьезно. Она объявила мне, что не умрет счастливой, пока я не обрету семью.

— Так женись! — не поняла Яна, накручивая длинные, абсолютно белые волосы на палец.

— Не хами! Ты знаешь, что это не мое.

— А со мной что тогда было? — удивилась Яна.

— С тобой случай особый, — смутился Виталий Николаевич, — а так я далёк от мыслей о женитьбе. Но когда мать наседала, я много раз упоминал тебя. И она затвердила твое имя, как название любимого печенья. Моя мама — очень проницательная женщина, и если я предъявляю ей какую-нибудь другую девушку в качестве своей будущей жены, она ни за что не поверит. Она — мать сыщика, и это звание несет гордо и со страданием.

— Хочешь сказать, что если ты сообщишь ей, будто я твоя невеста, она поверит? — спросила Цветкова.

— Вот тебе, Яна, точно поверит! И имя на слуху, да и актриса ты очень хорошая! — заверил ее Виталий Николаевич.

Цветкова окинула своего приятеля оценивающим взглядом.

Лебедев был мужчина среднего роста и среднего телосложения, с приятным, мужественным лицом, карими глазами с прищуром, с густыми, вьющимися темными волосами. Правда, сейчас они уже были подёрнуты сединой. Отличительной особенностью Виталия был его внешний вид, вернее, то, как и во что он одевался. Какие-то дико старомодные, не подходящие по размеру, мятые и всегда в пятнах костюмы. Они все были словно с чужого плеча и размера на четыре больше, чем нужно. Всегда на нем были мешковатого вида брюки и пиджак со спущенными плечами чуть ли не на уровне локтя. Яна недоумевала: где Виталий берет такую одежду? Ну, явно не в магазине! В магазинах одежды кроме этого незадачливого покупателя присутствуют вполне вменяемые продавщицы, которые дорожат своим рабочим местом и борются за звание лучшей работницы месяца. Костюмы Виталия оставались загадкой века. Рубашек у Лебедева было огромное количество, но он вряд ли их гладил. Рубашки также были жутко старомодными и по цвету, и по крою, и по форме воротничка, словно их пошили в шестидесятых годах прошлого века. Складывалось впечатление, что он где-то ограбил склад старой лежалой одежды.

Обувь тоже была под стать. Обязательно пыльные, вроде когда-то дорогие, но безумно стоптанные ботинки, давно потерявшие и цвет, и форму. Естествен-

но, Виталий уверял, что они очень удобные, что его нога просто срослась с ними, а удобная обувь для следователя — уже залог успеха половины дела.

И еще старомодная стрижка и часто небритое лицо. Причем сразу было ясно, что это не модная лёгкая небритость, создаваемая специальной насадкой на дорогом триммере, а общее наплевательское отношение к себе. Одного взгляда было достаточно, чтобы любая женщина поняла, что перед ней холостой неухоженный мужик, который просто забыл побриться одноразовым станком и вот уже несколько дней не вспоминал об этом.

Но была и приятная черта. Виталий был очень чистоплотным и обожал дорогой мужской парфюм. Это его во многом оправдывало.

Коллеги подсмеивались над ним, но называли русским Коломбо. В следственном деле Лебедев был дока.

— Ты забыл, что я врач-стоматолог? Ты эти свои... эротические видения оставь в покое. Нашел актрису! — возмутилась Яна.

— Генетика, — не согласился Виталий Николаевич, намекая на то, что мать Яны, Валентина Петровна, всю жизнь служила ведущей актрисой в Театре юного зрителя провинциального театра.

— И что я должна делать? Конкретнее, — спросила Яна, понимая, что он от нее не отстанет.

— Мама объявила, что тяжело болеет и ей уже недолго осталось... Я не хочу, конечно, об этом думать. Но чтобы она уже успокоилась за меня... А я для ма-

мочки — острый, неулаженный в этой жизни вопрос. Мы приедем к мамочке вместе, ты с ней познакомишься, попьём чайку — и всё. Я твой должник!.. — уговаривал ее Виталий Николаевич.

— И когда ты планируешь меня представить своей родительнице?

— Когда тебе будет удобно. Мама сейчас в Сочи.

— Вот как? О, нет! Только не туда! У меня что-то не очень хорошие впечатления от этого города. Вроде курорт, едешь отдыхать, развлекаться, а у меня там какой-то треш получается. Я уже боюсь услышать название города — Сочи!.. — поёжилась Цветкова.

— Это потому, что ты ездила без меня, а со мной всё будет спокойно и хорошо, — заверил ее Виталий Николаевич.

— Ну почему представлять нас друг другу надо обязательно в Сочи? Что за спешка? Может, подождать, когда она вернётся? — капризничала Яна.

— Мама находится там на лечении.

— Лечится от чего? — уточнила Яна.

— От старости, — вздохнул Виталий. — Пансионат для пожилых.

— Постой-ка! Ты свою мать сдал в богадельню? В дом для престарелых? — Большие голубые глаза Яны вспыхнули недовольством.

— Не нагнетай! Во-первых, это было ее решение. Во-вторых, это очень дорогой и хороший пансионат. Морские купания, свежие фрукты, медицинский

уход, приятная компания. Дома она страдала от одиночества и тоски, а там у нее полно друзей. Мы разговариваем с ней по скайпу каждый день. Как только у меня выдаются свободные дни, я навещаю ее.

— И всё-таки ей с тобой было бы лучше, — возразила Цветкова. — Если бы ты был нормальный сын, то мать не ушла бы в дом престарелых.

— Я ни в чем ей не отказывал! Я всегда приглашал ее жить ко мне...

— Ну, да! Несмотря на твою любовь к чистоте, в твоей холостяцкой берлоге, наверное, грязные носки разбросаны по всем углам, можно их собирать в новогодние гирлянды! Не так ли?

Лебедев неуверенно пожал плечами. А Яна продолжала:

— Ухаживать за тобой. Гладить, стирать и убирать, и это человеку в возрасте. Да еще терпеть твой характер и обострения язвы, которые ты лечишь только водкой.

Виталий Николаевич удивлённо поднял брови.

— Ты знакома с Лидией Васильевной? С моей мамой?

— Не имела чести, — ответила Яна.

— Так откуда же ты знаешь, что она говорила мне — слово в слово? — спросил Виталий Николаевич. — Именно поэтому мать категорически не хотела ехать ко мне жить. И мне жизнь портить не хотела, да и себе усложнять не желала. Характер у нее в меня...

— У тебя в нее, — поправила Яна.

— Мама всегда обожала морские курорты, поэтому и выбрала пансионат именно там. Москву, если честно, не любила. Пансионат дорогой, хороший. И ты не думай, что я этому не сопротивлялся. Кто бы меня слушал и соглашался бы со мной!.. Мне пришлось включить все свои связи, чтобы устроить ее туда. Я устал выслушивать чуть ли не каждый день стоны и плач о том, что «я умру, и ты останешься один».

— Ты сейчас рассчитывал, что я тоже пушу слезу? И брошусь убеждать твою маму в обратном? Но я уже, как это...

— Опытная? — предположил Виталий.

— Считай, что я не слышала этого определения. Я, милый мой, тёртый калач, меня на мякине не проведёшь. Я всегда горой стою за женщин. И если это решение твоей мамы, я принимаю его. Нужно помочь тебе? Я тебе помогу. Что уж тут подделаешь... Хотя всё это как-то неприятно, и ты, конечно, полный паразит. Ведь мог бы познакомить маму с женщиной, которая тебя любит многие годы, верна тебе...

— Ты, как всегда, имеешь в виду свою подружку Асю? — усмехнулся Виталий Николаевич.

Яна с Асей дружили всю жизнь — с детского сада. Интересно, что Ася Юрьевна была полной противоположностью Яны, как внешне, так и внутренне, но дружба с годами только крепла. У Аси было несколько неудачных замужеств, она воспитывала двух дочек. Одна была приёмной. Но никто об этом не знал. Она взяла ребёнка из роддома чуть ли не через неделю по-

сле рождения и растила девчонок, не делая никаких различий. Ася была адвокатом, и весьма успешным. Только одна существенная проблема омрачала ее жизнь. Она давно любила Виталия Николаевича, но любовь была безответной. Она даже Яне — своей лучшей подруге — не могла в этом признаться очень долго. А когда та сама догадалась, Ася сказала:

— Что толку? Он же всю жизнь сохнет по тебе.

Так невольно Яна стала участницей этого очень даже неприятного для нее любовного треугольника, в котором страдали два ее близких человека, а она не могла никому из них помочь.

— А что ты имеешь против Аси? — фыркнула Цветкова. — Ты бы был для нее идеальной половинкой.

— Я половинкой быть не хочу, хочу быть цельной личностью. И пудрить мозги твоей подруге тоже не собираюсь. Мы попробовали быть вместе. Нам было хорошо, но дальше ничего не происходит, потому что я ее не люблю, — ответил ей Виталий Николаевич довольно резко.

Так каждый раз разговор превращался в разговор ни о чем.

Яна очень долго и мучительно шла к своему личному счастью. Ей было уже далеко за... когда она подумала, что, видимо, не способна никого полюбить по-настоящему, принести кому-то счастье. Она влюблялась, уходила от своих мужчин, разрушая их жизни. Невольно, но разрушая. Даже старалась больше не заводить ни с кем серьезных отношений, чтобы никто

к ней больше не привязывался и не питал никаких надежд и прочих иллюзий.

Но жизнь приготовила ей сюрприз. Она встретила любовь. И жизнь Яны разделилась на до и после. С годами Яна поняла, что, оказывается, способна быть верной, терпеливой. Хотя нет, не с годами, а со встречи с Мартином Романовичем Вейкиным. Он развеял ее опасения, что с ней что-то не так, раскрасив ее жизнь всеми цветами радуги и наполнив сердце Яны очень сильными чувствами. Она словно ждала его всю жизнь и дождалась. Они до сих пор не дошли до загса, но жить друг без друга уже не могли. Впрочем, Цветкова не изменяла себе и даже успевала очень сильно трепать любимому нервы. Любя...

— Ну, так что? — вырвал Яну из сладкого омута ее мыслей Виталий Николаевич, а точнее сказать, вернул с небес на землю.

— Мне не привыкать общаться с дамами почтенного возраста со сложным характером, — ответила она. — Взять хотя бы мою маму, Валентину Петровну! Сколько я выслушала истерик, мол, как ей, бедной, тяжело и как она сногшибательно должна выглядеть в свои пятьдесят, чтобы бегать по сцене в красной шапочке и с корзинкой пирожков для бабушки. А моя несостоявшаяся свекровь Стефания Сергеевна — ого-го! Она считает сына пупом Земли! Конечно, не обосновательно. Мартин — идеал. Но найти с ней общий язык, когда ты сама далека от идеала, было тоже сложновато. Мягко выражаясь...

Так что ты меня своей мамой не испугаешь. Я готова к встрече с ней и легко докажу, что ты вполне будешь счастлив со мной после ее кончины. Мне, Виталий, это будет нелегко. Нужно ведь как-то объяснить мое отсутствие Мартину...

Яна, похоже, уже задумалась о деталях.

— Он меня явно недолюбливает.

— Да ты что? — притворно удивилась Яна. — Может, из-за того, что ты уже организовал свадьбу со мной?

— С которой он тебя и украл, — напомнил он.

— Вообще-то, Мартин очень ревнивый, — согласилась Яна.

— А ты ревнивая? — спросил Виталий, с привычным интересом рассматривая свою любимую блондинку.

— Я? Всегда думала, что нет. Но когда я вижу какую-то женщину рядом с Мартином, то мозг у меня отключается. Просто вот черная пелена. Сердцебиение, давление, перебои с дыханием. Да, похоже, я ревнивая. Влюблена как кошка.

— Говорят, что ревнуют, когда боятся потерять. Когда не доверяют партнеру, — подливал масла в огонь Виталий Николаевич. — Или когда сами себе позволяют на стороне... Судят по себе.

— Я Мартину не изменю, даже не надеюсь. А вообще, я бы на твоём месте замолчала. А то ещё передумаю!.. — сказала Яна, и в голосе ее прозвучала угроза.

— Всё! Молчу! Самолет? — спросил следователь. — Шучу! Билеты на поезд.

Он прекрасно помнил о том, что Яна боялась летать самолётами.

— Сейчас сезон, билетов, скорее всего, нет, — предположила Цветкова.

— Ты забыла, кем я работаю? По моим связям и спецканалам мне выделяют бронь. Как будто мы с тобой, Янка, едем на сложное задание, как в добрые старые времена.

Яне совсем не понравилось, как игриво загорелись у Виталия глаза.

— Никаких старых добрых времён! Руки прочь! Сразу предупреждаю!

— Что ты за человек такой, Цветкова? Дала бы хоть помечтать.

Яна жила в Москве, владела небольшой частной стоматологической клиникой. Тем же вечером она хотела позвонить Мартину в Санкт-Петербург, чтобы сообщить о том, что ее не будет на месте недели две.

У Мартина Романовича за плечами была и спортивная карьера, и военная. Имелись награды. Потом он стал крупным бизнесменом. У него был ночной клуб и еще несколько фирм. Совершенно внезапно Мартин сам позвонил Яне, словно прочитал ее мысли.

— Яночка, извини, не удержался до вечера. Решил сейчас позвонить...

— Ты знаешь, что я всегда рада тебя слышать... И видеть... Ты на субботу, воскресенье планируешь при-

Татьяна Луизицева

ехать? — закусив губу, издалека начала Яна, не зная, как построить разговор так, чтобы Мартин не приезжал.

— Любимая моя, я на этой неделе не приеду, может быть, даже и на следующей... Надо отъехать по делам, по службе. Вот звоню, чтобы ты не волновалась, предупредить.

Яна на секунду даже замешкалась.

— Уезжаешь? Как же так...

Недавно Мартин вернулся с поля военных действий. О командировке не рассказывал. Яна и его мать, Стефания Сергеевна, были в шоке от того, где он побывал. Давно ушел со службы, и вот вдруг... Как объяснил Мартин, он не мог отказать друзьям, и никогда и в будущем не сможет отказать. А им понадобится именно такой специалист, как Мартин. В тот раз он был ранен, лежал в госпитале. И вот опять...

— Янка, я сейчас тебе ничего рассказать не могу. Но ты не волнуйся, это совсем не опасно. Связи тоже может некоторое время не быть, предупреждаю, но это нормально. Ты что, плачешь?

Яна зашмыгала носом.

— Не плачь, дурочка! Я тебя люблю! Я тебя обожаю. И мы будем вместе всегда-всегда!

Яна всхлипнула:

— Ага... Когда-нибудь...

Если честно, она очень расстроилась.

На вокзал Цветкова приехала на такси с большим чемоданом и большой сумкой. То есть вещей было

очень мало, что говорило о нахлынувшей на Яну депрессии. Обычно за ней по перрону везли тележку с десятком чемоданов.

Виталий же Николаевич выглядел как всегда, то есть черт-те как: взлохмаченный и помятый, с одной небольшой спортивной сумкой. Хорошо хоть не с логотипом «Олимпиада-80»! Но настроение у него было прекрасное, и энергия была ключом. Заметив Яну, он кинулся к ней с распростёртыми объятиями, сгреб в охапку, а потом подхватил ее вещи.

— Я так рад! До конца не мог поверить, что ты согласишься сделать это для меня! Мама будет счастлива, я буду счастлив!..

— Рада за вас с мамой... — отстранилась от него Яна.

— А ты что, не в настроении? Всё будет хорошо, отдохнёшь на море, на лучшем курорте России. У своего отпросилась? Сказала ему правду, что будешь изображать мою невесту? Представляю его лицо! Постой! Ты такая грустная... Поссорились, что ли? Из-за меня? Вот чего-чего, а причинять тебе боль не собираюсь! Хочешь, набью ему морду? То есть поговорю с Мартином, как мужик с мужиком, и заверю его, что пальцем тебя не трону. Что ты для меня делаешь большую, дружескую услугу...

— Нет, Виталий... Этого не требуется. Я ему ничего не сказала. Не пришлось. Он первый сообщил мне, что сам уезжает.

— Как сам? Куда сам? — удивился Виталий Николаевич. — На задание? Как ты?

